

Развлекательные новости: проект «Под суетой» официально запущен, а выбор актерского состава для новой работы режиссера Чжэн Юаньшэна приковывает к себе всеобщее внимание.

«На днях долгожданный новый проект Чжэн Юаньшэна под названием «Под суетой» официально перешел в стадию запуска.

Этот легендарный режиссер, чей талант был признан на самом высоком уровне и отмечен золотыми наградами трех крупнейших международных кинофестивалей – в Каннах, Венеции и Берлине, – хранил многозначительное молчание целых пять лет.

Как стало известно, данный фильм станет для режиссера Чжэна своего рода возвращением к истокам, своего рода духовным продолжением того пути, что он начал после того, как его картина «Пустошь» собрала множество престижных наград. Еще на этапе предварительного планирования проект вызвал широкий резонанс в индустрии. И хотя создатели фильма до сих пор не опубликовали официальный список актеров, в кулуарах уже вовсю ходят слухи, а крупнейшие агентства и компании одна за другой предпринимают отчаянные попытки заполучить право на участие в этой знаковой работе.

Примечательно, что, по информации из нескольких осведомленных источников, самым ожидаемым кандидатом на главную роль в «Под суетой» является Ши Цзянь, который в прошлом году триумфально получил титул лучшего актера на «Оскаре» за свою незабываемую роль в фильме «Безымянная птица».

На момент публикации материала Чжэн Юаньшэн и его команда еще не дали официального ответа, однако можно с полной уверенностью сказать, что борьба за главную роль в «Под суетой» спровоцирует настоящий шторм в индустрии. А сможет ли молодой обладатель кинопремии Ши Цзянь вновь сотворить чудо и оказаться в ослепительных лучах прожекторов фильма Чжэн Юаньшэна – стало главной темой для обсуждения во всех кругах.

Запросы в поисковых системах взлетели до небес, буквально заваливая сеть однотипными вопросами.

□Новый проект Чжэн Юаньшэна «Под суетой» официально анонсирован

□Ши Цзянь снова будет работать с именитым режиссером?

«Если это сотрудничество подтвердится, то для Ши Цзяня оно станет важнейшим шагом к полноценному возвращению на экраны после череды скандалов и шквала негативных публикаций в прессе. Сможет ли он благодаря этому проекту вновь вернуться в поле зрения общественности или же однажды снова окажется в самом центре бури? Наш корреспондент продолжит следить за развитием событий...»

Огромный электронный экран внезапно погас. Ши Цзянь прошел мимо него с абсолютно безучастным видом, словно имя, упомянутое только что в эфире, не имело к нему никакого отношения, а само событие было чем-то бесконечно далеким и чуждым.

Он по привычке зашел в оранжерею. Если посещать это место каждый день, то растениям и не требовалось какого-то особенного, усиленного ухода, но в те часы, когда Чу Юня не было дома, именно эта комната становилась для Ши Цзяня настоящей зоной комфорта и тишины.

Его пальцы медленно скользнули по стеклянной бутылке; гладкая и прохладная поверхность стекла помогала ему окончательно расслабиться и привести мысли в порядок.

Он задумчиво посмотрел на несколько незнакомых флаконов, тщетно пытаясь вспомнить, когда именно он принес их сюда и по какой причине совершенно о них забыл.

Он был именно таким: настолько рассеянным, что мог упустить из виду даже самые пустяковые, незначительные вещи. Единственное, что он помнил твердо, отчетливо и безошибочно, касалось только Чу Юня.

В последнее время Ши Цзянь жил вполне неплохо.

Даже несмотря на то, что он считал помощь Жуань Цинжана ограниченной, он продолжал посещать повторные приемы именно по этой причине.

Клиника Цинцзин была для Ши Цзяня своего рода точкой перезагрузки, местом, где он мог восстановить внутреннее равновесие. После возвращения оттуда его любовь и глубокая привязанность к Чу Юню всегда переполняли его настолько, что скрыть эти чувства было практически невозможно.

После того самого семейного ужина Чу Юнь в какой-то мере тоже вернулся в «семью».

Их отношения стали больше напоминать те безмятежные дни, что были еще до начала съемок в «Безымянной птице».

Однако из-за того, что ради роли Ши Цзянь стал слишком худым и никак не мог вернуть прежнюю форму, молодой господин по ночам нередко выражал свое недовольство.

В пылу страсти молодой господин, тяжело и прерывисто дыша, сжимал его плечи:

– Я хочу спать с женщиной, а не с набором костей, – он недовольно поморщился. – Зачем мне ты?

Ши Цзянь попытался осмыслить эти слова, медленно перевернулся и крепко прижал его к себе. Сдерживая возникшую в сердце легкую боль, он жадно и тяжело слушал прерывистые, сбитые стоны Чу Юня.

Когда острые зубы молодого господина впились ему в плечо, он мог лишь с тихими извинениями целовать его в висок.

Любой другой человек сказал бы, что фигура у Ши Цзяня отличная – настоящая, идеальная вешалка для одежды.

Но у молодого господина были довольно строгие и весьма конкретные эстетические требования: тело должно быть приятным на ощупь, радовать глаз, прижиматься к нему должно быть удобно, и при этом оно ни в коем случае не должно быть костлявым.

Ши Цзяню приходилось усердно поддерживать форму, но при этом постоянно сдерживать себя, чтобы не стать слишком мускулистым.

Впрочем, для Ши Цзяня это не было проблемой.

В конце концов, объект его бесконечной заботы обладал не менее впечатляющим и неотразимым телом.

Широкие плечи, узкая талия, напряженные мышцы спины в моменты неистовой страсти, соблазнительные впадинки на пояснице, когда он изгибался от невыносимого желания.

У Ши Цзяня были широкие ладони; когда он обнимал Чу Юня со спины, его растопыренных пальцев вполне хватало, чтобы полностью накрыть его талию и живот.

Чу Юнь любил говорить:

- Спать со мной - это награда для тебя.

Ши Цзянь был глубоко с этим согласен и очень дорожил этой «наградой».

Поэтому следить за своей фигурой, ориентируясь на капризные отзывы молодого господина, было для него своего рода проявлением профессионализма.

Не знал он лишь одного: считается ли он «непрофессионалом» в своей основной деятельности? В этом вопросе Ши Цзянь не был уверен до конца.

Но, по крайней мере, он хорошо выполнял свою работу, так что это вряд ли можно было назвать халатностью.

Как актер, он получил полное признание режиссеров и рынка, что неоспоримо доказывало: свою работу он выполнил отлично.

Как сотрудник, он методично и дотошно довел до конца все навалившиеся на него удушающие дела, а затем вежливо попросил об отдыхе - это вряд ли можно было назвать безответственностью.

Именно об этом Ши Цзянь размышлял, когда порой погружался в глубокое молчание.

Он очень боялся доставить кому-то неудобства, поэтому постоянно, почти болезненно анализировал свои поступки.

Он не был тем человеком, который способен справиться со всем сразу; он часто выбивался из сил, пытаясь удержать хрупкое равновесие, и постоянно метался из стороны в сторону в поисках правильного решения.

По крайней мере, до сих пор Чу Юню не приходилось тратить слишком много сил на решение его проблем, и для Ши Цзяня это уже было огромным достижением.

То, что писали в новостях, было ли это правдой или наглой ложью, для Ши Цзяня не имело абсолютно никакого значения.

Он больше не ступит в тот мир – это было обещание, которое он дал Чу Юню в самой глубине своей души, хотя и не озвучил его вслух.

Если Чу Юню это не нравится, значит, так тому и быть.

А то, что нравится самому Ши Цзяню, было не так уж важно.

Работы становилось все меньше, и Чу Хуан молчаливо одобрила стремление Ши Цзяня к непубличности.

В конце концов, психологическое состояние Ши Цзяня было далеко не лучшим, а скандалы, вызванные его напряженной работой и избыточным вниманием СМИ, требовали от Чу Хуан немалых усилий для урегулирования.

За год с лишним после получения награды за «Безымянную птицу» вся ценность, которую можно было извлечь из Ши Цзяня, была использована сполна.

Теперь, когда он категорически отказывался появляться на публике, не участвовал в шоу, не давал интервью, а рекламные контракты ограничивал лишь парой избранных брендов, это со стороны выглядело как потеря, но на деле для Редженс Медиа последствия были минимальными.

Артистов, жаждущих славы и постоянного присутствия в поле зрения публики, в Редженс Медиа было столько, что ими можно было бы заполнить целый этаж офисного здания.

Актер, которого пресса и пиарщики определили как «артиста», после нескольких ярких появлений внезапно выбрал тишину – для компании это имело иную, более удобную для управления ценность.

Чу Хуан изначально позиционировала Ши Цзяня как высококлассного представителя бренда, глубоко связанного с серией R. Ее конечной целью было сформировать в сознании публики образ, в котором его «загадочность», «благородство» и «артистизм» сливались бы в единое целое с брендом.

Такое состояние отстраненности на самом деле было вполне приемлемым результатом.

Что же касается того, не было ли это отступлением к менее выгодному варианту, то холодная, едва заметная усмешка Чу Хуан говорила сама за себя.

Впрочем, она никогда не возлагала надежд на кого-то одного или, вернее сказать, никогда ни к кому не питала истинных «ожиданий».

Появление Ши Цзяня в её жизни стало результатом череды нелепых и совершенно непредвиденных случайностей.

Если бы Чу Хуан с самого начала знала, что этот юноша и есть тот самый актер, с которым так увлеченно балуется Чу Юнь, она бы наверняка незамедлительно приняла самые жесткие меры по «экстренной защите» интересов семьи.

Но теперь дело было сделано, а отступить назад или признавать ошибки было совершенно не в стиле Чу Хуан.

Разумеется, теперь она твердо намеревалась бороться за возможность участия Ши Цзяня в проекте «Под суетой».

Над фарфоровой чашкой медленно поднимался тонкий завиток пара. Чжэн Юаньшэн, задумчиво глядя в пространство, медленно откинулся на спинку своего стула.

- Похоже, тот молодой человек, которого ты так настойчиво и горячо рекомендовал мне, вовсе не так равнодушен к славе и богатству, как ты пытался меня убедить? - спокойно спросил он.

Ли Фань лишь усмехнулся в ответ:

- Ты всё такой же старомодный, даже более, чем я. Видимо, совсем не знаешь местных порядков: все эти громкие слухи о том, что Ши Цзянь уже утвержден на роль, скорее всего, не имеют к нему никакого отношения.

Чжэн Юаньшэн ответил с легким сомнением в голосе:

- Ты так слепо ему доверяешь. Если бы я не верил в твою безупречную порядочность, я бы держался от таких неоднозначных актеров как можно дальше.

У именитого режиссера, разумеется, было полное право на свои причуды, а Чжэн Юаньшэна в профессиональных кругах индустрии и вовсе называли «странным режиссером».

Он искренне ненавидел всё, что не выбирал сам, и питал к искусству кино почти религиозную, фанатичную веру. Он предпочитал вообще не снимать, если не чувствовал вдохновения, но если всё же брался за дело, то подходил к нему с предельной, почти пугающей строгостью, стремясь сделать самый верный и точный выбор.

Одни лишь деньги, какими бы огромными они ни были, не могли открыть двери к его сердцу.

Ли Фань, будучи режиссером с такими же высокими и бескомпромиссными требованиями, был одним из немногих людей, кто по-настоящему понимал этого странного старика.

- Ты даже инвесторов в своем репертуаре разогнал, так что те, кто хоть немного знает твои привычки, вряд ли стали бы делать что-то столь неприятное для тебя, - Ли Фань мягко улыбнулся. - Скорее всего, кто-то из завистников просто хочет насолить тебе.

Перед тем как новости вышли в свет, Чжэн Юаньшэн как раз демонстративно закрыл двери перед инвесторами, с которыми сотрудничал на протяжении многих лет.

Причиной, разумеется, было то, что те попытались навязать ему нескольких своих протеже на роли в новом фильме.

Отношение другой стороны было внешне весьма вежливым, они не настаивали в ультимативной форме, а скорее «обсуждали возможные варианты».

Но Чжэн Юаньшэна эта игра в вежливость утомила, и он просто в одночасье разорвал всё сотрудничество.

Чжэн Юаньшэн нахмурился, и его лоб покрылся глубокими, резкими морщинами:

- Я прекрасно понимаю, чего они на самом деле хотят. Но актеры - это фундамент, основа любого фильма. Я снимаю кино уже добрую половину своей жизни и обязан придерживаться этого принципа до конца. Если их деньги идут с такими обременительными условиями, я с удовольствием предпочту обойтись без них.

Ли Фань рассмеялся так искренне, что его глаза превратились в узкие щелочки; он был в превосходном настроении.

- Сейчас рынком диктуют правила создатели кино, так что тебе совершенно не стоит беспокоиться. Когда режиссер Чжэн берется за дело, инвесторы сами выстраиваются в очередь, чтобы предложить свои средства, - он внезапно сменил тон на более серьезный. - Впрочем, если ты действительно возьмешь Ши Цзяня, тебе и вовсе не придется забивать голову мыслями об инвестициях.

Видя его непоколебимое упорство, даже вечно хмурый режиссер не сдержался и едва заметно улыбнулся.

Чжэн Юаньшэн спросил:

- Похоже, ты действительно очень высоко ценишь этого мальчишку.

Ли Фань небрежно отмахнулся:

- Нужно, чтобы он и сам прикладывал достаточно усилий.

Он лично, с вниманием, налил Чжэн Юаньшэну свежего чая:

- Не знаю, в курсе ли ты всех тех грязных скандалов, что вспыхнули вокруг Ши Цзяня в прошлом году. Тогда я был крайне возмущен происходящим. Я, пожалуй, лучше всех знаю, вкладывал ли человек, которого я сам вывел в люди, свою душу в работу.

Он аккуратно поставил чайник на стол:

- На самом деле, если бы он просто попросил, я бы в любом случае пришел ему на помощь.

В тот самый момент, когда Ши Цзянь находился на острие яростной атаки прессы, одно единственное слово Ли Фаня могло бы полностью изменить ситуацию и очистить его имя.

Учитывая его колоссальный статус в индустрии, актеры и актрисы, которых он лично открыл и вывел в свет, были его золотой визитной карточкой, и ценность его публичной поддержки была очевидна каждому.

- Я велел своим людям осторожно намекнуть ему, что если возникнут серьезные проблемы, он может в любой момент обратиться ко мне, и я сделаю всё, что в моих силах, - Ли Фань улыбнулся. - И он связался со мной немедленно.

Только для того, чтобы принести бесконечные, искренние извинения.

- Я нанес ущерб фильму «Безымянная птица», и я подвел вас, - сказал тогда Ши Цзянь. - Я не смог защитить его, простите меня, режиссер.

Под словами «не смог защитить» он, конечно же, имел в виду Пэн Шу.

Ли Фаню было трудно подобрать слова, чтобы описать свои чувства в тот миг; он лишь вспомнил, как во время съемок этот ребенок раз за разом доводил его до слез своей самоотдачей.

Казалось, он вновь вернулся в тот день, когда съемки были окончательно завершены, и после того, как Ли Фань произнес заветное «конец», в глазах юноши застыли следы глубокой, немой

растерянности.

Впервые в своей жизни Ли Фань почувствовал себя настоящим палачом, произносящим роковое слово «снято».

- Такой человек, что бы ни касалось «кино» или «тех, кто создает кино», абсолютно чист перед своей совестью, - тяжело вздохнул Ли Фань.

Поэтому он был полностью согласен с тем, что в прессе его называли «артистом» в самом высоком смысле этого слова.

Он думал, что этот молодой человек слишком сильно недооценивает собственный талант и ту невероятную энергию, что в нем скрыта.

Те, кто намеренно раздувал скандалы вокруг его психического состояния, лишь для того, чтобы очернить по-настоящему хорошего актера, вызывали у Ли Фаня лишь глубокое презрение и отвращение.

Если следовать их извращенной логике, то большинство «психически больных» людей в этом мире могли бы стать величайшими актерами современности.

Но это было очевидно не так.

Ли Фань, конечно, понимал природу кино гораздо глубже, чем большинство людей в этом мире, и мог оценивать истинный потенциал актеров куда точнее.

«Опыт» - это всего лишь процесс, он сам по себе не гарантирует блестящего результата.

Ши Цзянь же был рожден для сцены.

- Не буду скрывать, я действительно хотел протянуть ему руку помощи, но сделал это не столько ради него самого, сколько ради самого искусства кино, - сказав это, он усмехнулся и

посмотрел прямо в глаза Чжэн Юаньшэна:

- Сейчас я так старательно рекомендую его тебе, что со стороны это выглядит так, будто я получил от него какую-то личную выгоду.

Чжэн Юаньшэн тоже рассмеялся. Они оба прошли через самые тяжелые и темные времена в киноиндустрии и потому прекрасно понимали друг друга без лишних слов.

- На самом деле, ты вряд ли сможешь его заполучить, - заметил Чжэн Юаньшэн.

Именно поэтому Ли Фань специально пришел сегодня встретиться с ним.

- Ты ведь знаешь, что у меня есть проект, который я вынашивал долгие годы, но никак не мог запустить, - Ли Фань слегка вздохнул. - Благодаря этому мальчишке я вновь обрел былой энтузиазм. Перед Новым годом я связался с ним и сказал, что если эта новость о «Под суетой» выйдет в свет, это может помочь ему вернуться.

Разумеется, он руководствовался искренней добротой, но и собственными личными интересами тоже.

Тишина, воцарившаяся в комнате, была необычной, почти осязаемой.

Ответ, который Ли Фань получил в итоге, он не мог был вообразить даже в самом кошмарном сне.

- Простите, режиссер, - голос Ши Цзяня был полон такой глубокой, пронзительной грусти, что невозможно было передать всю полноту его извинений.

Он сказал:

- Я принял окончательное решение больше не сниматься.

<http://bllate.org/book/17941/1720627>